

КАК СВЕЖИ БЫЛИ РОЗЫ

«Библиотека «Юности» готовит к выходу собрание сочинений Василия Аксенова. Каждый том будет открываться кратким предисловием, написанным одним из друзей автора по его выбору. «МН» предлагают текст Виктора Ерофеева, созданный по этому случаю.

Вчерашия мода, конечно, самая не-мода. Зато позавчера пияня — забава коллекционера. В забаву превратился соцреализм. В сталинских небоскребах видится не столько ностальгия, сколько талант. Соцреализм объявлен продолжением авангарда, а не его палачом: они вместе мечтают об изменении жизни и, взвившись за руки, выходят из берегов искусства.

Теперь не время простодушных людей, самородков, энтузиастов, борцов за правду. Теперь безжалостный постмодернист определит степень твоего интэртекстуального не-

вежества; концептуалист отметит дозу твоей творческой замутненности, нечистой приверженности не к тексту, к смыслу. То есть ничего не случится, но читать не будут, не стоит.

В таких условиях мало кто выживает, и не жалко.

Но в таких условиях шестидесятник должен застрелиться вне всякого сомнения, хотя бы на время, до следующего витка, пока из трупа отца не превратится в труп деда. И хотя постмодернистов ожидает скорее всего та же участь, об этом не принято думать, равно как и ругать шестидесятников: это не модно. Это даже смешно. Пусть те сами хоронят своих мертвцев.

Неблагодарность писателей почти мифологична: ученики пожирают учителей, чтобы, в свою очередь, быть пожранными. Никто никому не поможет. А если кем заинтересуется широкий читатель, тот гибнет первым.

На этом жестком фоне аксеновская проза 60-х годов выглядит голо и мазоично. Только гуманист пощадит, но гуманисты теперь не в чести. Нужно немножко перетерпеть.

Завтра будет легче, чем сегодня. Когда свергнут постмодернистов, утвердятся романтики начала двадцать первого века. Те-то протянут руку незаслуженно забытым шестидесятникам. Те-то проклянут в очередной раз соцреализм как страшный сон. Снова можно будет ругать Сталина, и народятся наивные самородки.

Но пока все-таки остались, не вымерли друзья-шестидесятники, открывавшие Запад в таллинских кофейнях и на джазовых предтусовках, аксеновская проза будет греть сердца некоторых (сотен тысяч) людей.

И пока я не позабыл того вечера 1966 года, когда Василий Павлович в зените своей славы вошел вместе с опальным Бродским в квартиру Евтушенко, чтобы найти тайный способ напечатать Бродского в «Юности», и, казалось, все будут всегда молодыми, а дружбе не видно конца, и я, случайный юный соглядатай, бескорыстно ликовал при виде такой великолепной дружбы... и пока я это не позабыл, для меня «Звездный билет» — это литературная веха, переворот в головах, маленький шаг

мск. новогод -
1992. - 24 (март 1991)
- с. 20

одного писателя, но большой сдвиг российской ментальности, если вспомнить долетевшего до Луны астронавта. И книги, следовавшие за «Звездным билетом», — утверждение меняющейся ментальности, новый трепет, торжество дерзости, к счастью для всех, превратившейся сначала в общее дело, а уже после в общее место.

Писатели, выросшие на Аксенове, знают: это он открыл правила новой литературной игры в условиях морального гнеста, он первым осдабил галстук-удавку, и стало свободнее писательским шеям. И он радовался не только за себя. В нем всегда была редкостная щедрость.

Стоит ли придираться к комсомольским коннотациям его героев, тем более что сейчас это даже — ну да — забавно? А то, что «старик Хем» и мастер Набоков стали его интэртекстуальными друзьями; то так распорядилась доборхесная эра.

Дело не в «чуваках» и «чувихах». И не в литературной истории. А в том, как свежи были розы.

Виктор ЕРОФЕЕВ